

Журнал и сцена —
2000 — сент. (№ 32)
— 916

Задержимся на цифре тридцать три

Трудно свыкнуться с мыслью, что больше никогда не увидишь Николая Лаврова на сцене. Что спектакль "Дом", к 20-летию которого Малый драматический театр готовился, как к своему важнейшему празднику, остался без главного героя — без Михаила Пряслина. Что не будет больше "Мрамора" — одного из самых глубоких и оригинальных российских спектаклей последних лет, где Николай Лавров в дуэте с Сергеем Дрейденом совершили невозможное — перевели на язык театра философский текст Иосифа Бродского.

Ему все время казалось, что он играет слишком мало, что в МДТ настала пора нового поколения, что Лев Додин охладел к нему как к актеру. Поэтому возникали пробы на стороне, участие в спектаклях других режиссеров (незадолго до конца сезона сыграл у Левшина в "Комедиантах" Подколесина), съемки в кино. Однако сейчас, когда театр в одночасье лишился Лаврова, выяснилось, насколько он был неправ: основная часть репертуара — десять спектаклей! — оказалась под ударом. А ведущий актер додинского театра как-то и не задумывался о том, насколько он — ведущий.

Эту потерю мы почувствуем еще не раз. И в день юбилейного "Дома", которым должен был открыться сезон, устроят вечер памяти Николая Лаврова. Многим участникам знаменитого спектакля, конечно, вспомнится последний "Дом", сыгранный в Таормине, на Сицилии, по случаю вручения Льву Додину Гран-при как лучшему режиссеру Европы. Не только потому, что был он триумфальным, удивившем видавшую виды публику свежестью режиссерского мировидения и силой актерского ансамбля. Тому, кто не видел спектакля раньше, трудно было поверить, что поставлен он в 1980-м. А для самих актеров МДТ приятным совпадением стало то, что этот триумф (очередной, почти привычный, ибо накопилось их уже немало) соединился с днем рождения Коли Лаврова, который на Сицилии отпраздновал свое 56-летие.

В тот вечер, 8 апреля, водку закусывали не солеными огурцами, а лимонами, что свисали с деревьев, окружавших домики, где жили артисты. И купались не в Финском заливе, а в Ионическом море, в самых что ни есть мифологических местах. Недаром Коле вспомнился "Мрамор", о котором он не переставал думать и готовиться к новому раунду: с появлением в МДТ камерной сцены возникла мысль перенести спектакль туда. Пекашинец Михаил Пряслин был счастлив и тосковал только по своему "древнегреческому" двойнику. Тут уж и Анна Ахматова, процитированная Бродским ("И лебедь, как прежде, плывет сквозь века, любящая красой своего двойника"), помянута была не раз, потому что и она получала международную премию в Таормине. Николай Лавров был словно околдован этим своим двойничеством и, наверное, даже не вдумывался особенно в схожесть героев, сыгранных им столь разными людьми.

Как и "правильный" русский крестьянин, прозревший всю степень своей несвободы лишь в трагическую минуту гибели близкого человека, отставной военачальник, покоритель мятежных провинций становился другим человеком после потери друга. Туповатый солдат превращался в поэта и философа, начинавшего постигать, что есть свобода. Так сошлись две роли Николая Лаврова, которым бы и не расходелиться впрямь. Подобных переплетений было в судьбе актера, как теперь видно, немало, только оглядываться на них было некогда и незачем: все время в работе, в делах, на бегу.

17 августа, когда театральные Петербург прощался с Лавровым, Лев Додин вспомнил, что знакомы они уже тридцать три года. Что встретились на экзамене. Коля поступал на курс к Зиновию Яковлевичу Корогодскому, на котором Додин стал педагогом. До этого Лаврова несколько раз уже не принимали в Театральный институт: то ли голос казался слишком хриплым, то ли физиономия слишком нехарактерной. И З.Я. и моло-

дым педагогам абитуриент сразу приглянулся. Как он оправдал их надежды! И сколько типично российского выразил своим характером и своими героями на сцене!

С тюзовской поры Лавров и Додин почти не расставались. Даже когда позади остались счастливые времена "Нашего цирка" (кто из видевших может позабыть Черного клоуна — Николая Лаврова?!). Николай Лавров перешел в Малый драматический театр к Ефиму Падве. А вскоре на постановку был приглашен и Додин. В чапековском "Разбойнике", с которого потихоньку начинался будущий "театр Льва Додина", самую ответственную роль играл Лавров. Так и повелось. Еще при Падве, который тоже дорожил артистом и доверял ему главные роли в программных своих работах, Лавров сыграл в специально для него поставленной пьесе Теннесси Уильямса "Татуированная роза", в "Живи и помни", "Доме" и "Скамейке".

Сегодня, пытаясь понять природу лавровской необходимости и незаменимости для МДТ, думаешь, что это было то са-

мое мужское начало, без которого немыслим ни один ДОМ. Он был крепким, надежным, настоящим. И в то же время — идеальным, ибо в реальной жизни так недостает основательности, силы, верности, им излучаемым. Додинские герои постоянно — почти по-чеховски, а в последние годы и буквально по-чеховски — тосковали по лучшей жизни и лучшим людям. Бездомные и бесприютные грезили о тихих заводях и небе в алмазах. Рвали жилы и надрывали сердце, чтобы иметь свой угол, семью, наследников. Таким был Симеонов-Пищик, фигура у Лаврова вовсе не эпизодическая, — гротескное отражение Гаева — Раневской, столь же "уходящая натура", как и они, словно собственный финал сознающие: "Вот и кончилась жизнь в этом доме". Таким же, только в варианте провинциально-романтическом, был Верховенский-ст., так и не избавившийся от роли приживала в доме любимой женщины. Таким стал — поневоле, когда ушел из жизни Евгений Лебедев, — Эфраим Кэббот в "Любви под вязами", он в исполнении Лаврова был по праву первым в семье и

в округе, он всем желал добра и, преданный сыном, пережил трагедию, равную библейской. Здесь нет зависимости от "главности" или "второстепенности" персонажа, от количества текста. Это был тот гвоздь, на котором держится вся постройка: чтобы ощутить его роль, необязательно об него спотыкаться.

Но не хочется думать о том, что может случиться с театром, потерявшим эту опору...

Мужское начало в МДТ традиционно сильнее женского. Эту труппу не упрекнешь в изнеженности и инфантильности: басов и баритонов здесь явно больше, нежели теноров. И все же голос Николая Лаврова был особенным. Он соединял день нынешний с 60-70-ми, с эпохой Любимова и Высоцкого (им в юности восхищался, благодаря чему начал писать стихи и песни). Ведь корни МДТ — это не только МХАТ, но и Таганка. Мужское начало — это еще и постоянный поиск новых путей в жизни и искусстве, творческое и глуподовольное недовольство самим собой. Женщины хранят основы, мужчины — разбивают наезженную колею. Здесь Додин и Лавров шли рука об руку: как автора "Братьев и сестер" с трудом узнают зрители "Клаустрофобии", так и исполнителя роли Михаила Пряслина не сразу разглядишь в герое "Чевенгура" или в мудром усталом Ангеле из "Звездного мальчика" (кстати, это была, кажется, первая встреча артиста с режиссером Григорием Дитятковским, позже поставившем "Мрамор").

Собственный голос Николая Лаврова — тоже из разряда незаменимых. Не только на сцене, но и по радио, если Коля дублировал кого-то из заграничных знаменитостей, его можно было узнать по первым же нотам. Тембр и интонации были настолько индивидуальны, что перепутать нельзя. Вкупе с внешностью патриция периода упадка Римской империи, так пригрозившей герою Бродского, голос и притягивал, и порой пугал. Недаром киношники (от Сергея Овчарова до авторов "Ментов" и "Бандитского Петербурга") видели в нем идеального исполнителя на роли злодеев и негодяев — такой профиль на весь Северо-Запад был единственным. Нежности, мягкости, столь присущей артисту, кино так и не разглядело.

С телевидением ему повезло чуть больше. Во-первых, благодаря ТВ увековечен "Дом", специальную телеверсию его, вопреки своим принципам и органической нелюбви к переводу спектаклей на пленку, сделал Додин. Во-вторых, на Ленинградской еще студии было сыграно немало классических ролей, в том числе шекспировских, о которых актер мечтал. В театре ведь случилась лишь одна — в "Зимней сказке" Деклана Доннеллана, а так хотелось ролей трагических. Помню, как довелось нам вместе быть в Хельсингоре — в замке датских королей, где по преданию жил Гамлет. Принца датского Лавров не успел сыграть в ТЮЗе — тогда З.Я. видел в этой роли Тараторкина. Пять лет назад артист примеривался, как мне показалось, к Клавдию: в церкви попросил показать место, где молился король, как-то по-особенному смотрел на древние стены, Додину не преминул напомнить о давнем замысле. Если не передумает режиссер ставить "Гамлета", опять пожалеет, что нет рядом друга.

Впрочем, если бы все ограничивалось ролями, горевать бы так не пришлось. И близким, и друзьям, и театру не будет хватать того Коли Лаврова, без которого нет Моховой улицы, нет Дома актера. Без его улыбки, без распахнутых для объятий рук, без быстрой фонтаном энергии, без шуток и анекдотов, без неперенной песни для капустника — все выглядит иначе. В нем было столько жизненной силы.

Долго еще в ушах будут раздаваться слова его многолетней партнерши по "Скамейке" Веры Быковой: "Что я могу сегодня сказать, Коля? Я могу только выть! Ты — моя любовь, мое счастье, мой театр".

Елена АЛЕКСЕЕВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ